

ТРОФИМОВ Михаил Ефимович (1936–2019) родился в сибирской деревне Снегиревка Красноярского края. Из воспоминаний Михаила Ефимовича: «Деревня Снегиревка при ферме № 2, праздник Покрова Божьей матери, снег выпал. Дед в дом входит, а бабушка к нему: «Мы мальчика поймали...» Дед, конечно, радешенек: казак на свет явился, потомственный! У дедушки Кузьмы отец с братом в казачьем войске воевали, а бабушка так и сыпала частушками, они запомнились мне все как есть: «Дитяtko рожденное, в казаки снаряженное: конь, шинель, фуражка и отцова шашка». Семья Ефима Трофимова ездила по югу Красноярского края, отец был специалистом по коневодству, выводил породистых жеребят. И Михаилу на всю жизнь запомнились ночные дозоры за табуном кобылиц и молодняка, в летнюю теплую пору, на лугах, под звездами. Он рос старшим братом, младшие — сестры. Работал каждое лето, ходил с отцом на охоту, все крестьянские обязанности выполнял, как положено жителю села. Воспитываясь в семье, где никогда не забывали православной веры и чтили традиции, он сызмалства впитывал все семейные предания, а в третьем классе начальной школы уже начал писать первые стихи. Никто из родных не удивился, когда Михаил отправился в Иркутск поступать в университет на филфак, но стать студентом ему тогда не удалось — не прошел по конкурсу. После этой неудачи Михаил Ефимович работал на стройке, занимался парашютным спортом и даже был инструктором, потом поехал на комсомольскую стройку — валить лес в зоне затопления в Братском районе. Попутно Трофимов учился заочно в сельхозинституте. Но совмещать работу с учебой стало трудно, поэтому институт пришлось бросить. Куда только судьба не заносила поэта: был он и промысловым охотником, и участником геологических экспедиций... Однако писать стихи Трофимов не прекращал. И однажды, отправив свои произведения на творческий

конкурс, он стал студентом Литературного института имени Горького, попав на один курс с Николаем Рубцовым. Первая книга его стихов — «Первотрон» — вышла еще во времена студенчества. А в 1972 году увидела свет следующая книга, «Иван-чай», и Трофимов приняли в Союз писателей СССР. Свою писательскую карьеру Михаил Ефимович всегда совмещал с тяжелым трудом — работал то вальщиком леса, то слесарем, то кочегаром, а то и вовсе дворником, — но никогда не прекращал писать, в том числе и для детей. Особенно были любимы малышами книги «Звонышко» и «Жили в озере Чупыри», ребята постарше с удовольствием запоминают буквы и учатся читать, познают тайны родной сибирской природы, листая вслед за автором «Лесную азбуку». Ему дан талант редкого поэтического качества: пристрастие к стихии народного поэтического мира и умение организовать эту стихию в больших поэтических формах. Скромный и не похожий на других, поэт Михаил Трофимов обитал в мало пригодном для жилья дачном домике. Не жаловался на жизнь, считая ее благодатью Божьей, а в городе его называли «Иркутским ангелом». Занимался лепкой глиняных игрушек и свистулечек. Это увлечение появилось в 1978 г., когда он был в гостях у братского художника Анатолия Иванова и попытался вылепить из глины фигурку. С тех пор поэт не расстается с «глиняшками» — так он называл свои поделки. Трофимов вылепил всех своих сказочных героев: хабалду, лешего, чупыря, барана-охотника и других. Работы сибирского мастера отправляли на всесоюзные выставки, и сейчас его игрушки хранятся в архитектурно-этнографическом музее «Тальцы», а также в музеях Суздаля и Сергиева Посада...

И ко мне слетятся птицы...

Надпись на камне

Я ль тебя, земляца, не любил?
Я ли тебя плугом не пахал?
Плугом пахал — всё хлеба растил,
На меже от устали засыпал.
Ты кормила меня, веселила меня,
Ты давала тепло — ты дарила жизнь,

И теперь будь мне пухом, моя земля,
Камнем на грудь мою не ложись.

Люди, земная моя родня,
Меня забудут, тоскуй не тоскуй,
Жизнь мою на закате дня,
Кукушка милая, перекукуй.

* * *

За деревней, в камышах,
Пруд, заросший тиною,
Там всю ночь звенит в ушах
Кряканье утиное.

Там дощатый шаткий мост,
Шум воды на мельнице,
И вода в крупинки звёзд
Жерновами мелется.

* * *

Кружат снежинки вороньим граем
Осенним продроглым утром,
Речка плотом на порогах играет —
Моим судёнышком утлым...

Этот снег опустился бедой,
Что не упал дождями.
Камни заснеженные над водой
Мёртвыми лебедями...

Птица глухарь взлетела вслепую,
От белой беды ослепла —
Вот и кончились все мои пули,
Выстрел упал последний.

Скоро в ведёрке костёр догорит,
Больше не быть ночёвке.
К селенью причалю на склоне зари,
Люди спросят: «А чей ты?»

Скоро будет большая река,
Плот поплывет по Лене,
Крепче весло сжимает рука,
Тлеют в ведре поленья.

У печки при лампе согреют меня.
Река меж лесов не заблудит.
Коснувшись спокойного светлого сна,
Сердце невзгоды забудет.

Есть край

Есть край, где в июне не стаять снегам, —
Сибирью рождённый, я пасынком не был...
Там летом в горах снеговая пурга,
Там вечно летящее низкое небо.

Деревьям и людям нелёгкая жизнь:
Из солнца и снега рождаются реки —
Стой кедром иль гибкой лозою ложись,
Иначе не выжить вовеки.

За голые камни цепляются кедры, стоят:
В них ветра и щебета птичьего много...
Пугливых и гордых оленей пасутся стада
На мшистых полянах у Синего лога.

Уходят охотники там за зверями по следу,
И золото моют, и сеют хлеба по подзолу —
Там делят душевный огонь и сухарь последний,
А жадность с корыстью
считают большим позором.

Там реки веками камень буравят,
Спят облака на гольцах ночами,
Зимой дома засыпают снегом бураны.
Там моя родина — моё начало.

Тайга

Тайга таит звериное тепло
И лютые извечные законы,
Их радости и беды мне знакомы —
Я греюсь у огня, мне повезло.

Здесь собственною шкурой всяк согрет,
Тайга, она людьми не так богата,
А зимовьё убого и щербато.
Но крепкое. На двести хватит лет.

Звериного лица не различить
За синевой окна, за сенью хвои,
Но снег скрипит, и, стало быть, нас двое.
Беру ружьё — уходит, не убить...

И птицы чёрные летели на ночлег,
Их тени по земле вослед бежали —
Поймать и растерзать им угрожали,
Как будто всех не породнил ковчег.

Как будто места нет и на земле тесней,
Лесами рыскают, на небесах летают —
Пугливую добычу настаивают:
Клюют, грызут, рыча, играют с ней.

Я сам бедой звериною брожу,
Припоминаются лесные встречи.
Зверь раненый кричит по-человечьи,
А я в звериной радости гляжу.

Вожак

Ждал человек с карабином в руках.
Под выстрелы вышла стая —
Волчьей кровью пролился закат,
Тощих зверей спасая...

Но слышен кедровки громкий плач.
Вожак брёл шагом неверным
И рану лизал, свернувшись в калач,
Языком шершавым и нервным.

Случайно, против обычаев всех,
За стаей своей он вышел:
Под лапами стал скрипучим снег,
Луна покатила выше.

А он с дороги зло свернул,
Верный законам волчьим,
И долго стоял, и выл на луну
Седой вожак-одиночка.

* * *

Я из лесу на салазках
Сучьев палых притащу,
Сочиню детишкам сказку
И синичкам посвящу.

Мне синичек бедных жалко:
На морозе все живут.
Натоплю я печку жарко,
Будет в домике уют.

Сочиню я сказку к сроку
И порадую детей.
Дам я косточку сороке —
От неё я жду вестей.

Накормлю собак и кошек,
Белке сладкий пряник дам,

Воробьям дам хлебных крошек,
Проса красным снегирам.

Белке — пряник, сойке — сало,
Всех друзей я накормлю.
Хоть себе оставлю мало,
Никого не обделю.

И ко мне слетятся птицы,
Белки с лесу прибегут.
Только волки и лисицы
За кустами подождут.

Волк мне руку не откусит,
Буду жизнью дорожить —
Сколько лет Господь отпустит,
Столько буду в радость жить.

Русалка

Белый выгоревший песок,
Бесконечный пустынный берег,
Только молятся камни безмолвно,
Только в ярости бьются волны.

Я один пред огромным морем,
Безуютный, сижу на камне, —
Словно море, тревога бьётся,
Тени туч по лицу бегут.

Сам себя по имени кличу,
И чужим мне кажется имя,
Только плачет осенний ветер —
Я уже сам себя позабыл.

Был такой же рассвет солёный,
Штормовое ревело море.
Море с небом слилось воедино,
Я на этом же камне сидел.

Вдруг крутая волна набежала —
Море выкинуло на берег
Удивительное создание,
И я понял, что это она;

Руки были нежны для ласки,
Были страстными алые губы,
Волос нежный, зелёный, длинный
И чешуйчатый рыбий хвост.

По любви истомились груди,
Ритм единый у сердца и моря,
Было горьким юное тело —
Косу плёл я и грудь целовал.

Но она, дитя неземное,
Умирала, в тоске глядела —

Породила её стихия
Для течений морских и глубин.

Холодели глаза голубые,
Ртом красивым хватала воздух,
Взяв её, чтоб нести в избушку,
Я не думал, что загублю.

И над нею сжалилось море —
Нас огромной волной накрыло,
Нас от берега уносило,
И она ускользнула из рук.

Я искать уже не пытался,
Плыл на берег — за жизнь боролся.
Полз от моря — волна смывала.
Снова плыл я и снова полз.

Вот опять я один пред морем:
Каждый день я на дно ныряю,
В царство синее осьминогов,
Страшных скатов, морских чертей.

Каждый день я ныряю в море
С той надеждой — её увидеть,
Ухожу я в чужую стихию
С безопасной и твёрдой земли.

А она во сне меня манит...
Тишина не приходит в сердце...
Я живу так многие годы.
Одиночество злое всегда.

Лебедой зарастает избушка...
Чем я жив и на что надеюсь?
Только небо, песок да море...
Да печали жемчужина в нём.